

Мария Суханова

Туманное время

автобиографическая повесть

Мария Суханова

**Туманное время.
Автобиографическая повесть**

«Издательские решения»

Суханова М. А.

Туманное время. Автобиографическая повесть /
М. А. Суханова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856606-6

Мы читаем лишь начатую автобиографическую повесть, рассказ о подлости и идеалах «Туманное время», документы и фотоматериалы, посвящённые судьбе, воспоминаниям Марии Александровны Сухановой. Знакомимся с примером честности и непосредственности человека предвоенного поколения советской страны. Ощущается выстраданность и эмоциональность излагаемого.

ISBN 978-5-44-856606-6

© Суханова М. А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Глава первая	7
СЕМЬЯ. РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Часть первая	7
СЕМЬЯ. РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Часть вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Туманное время

Автобиографическая повесть

Мария Александровна Суханова

Редактор Эдуард Рафаэлевич Суханов

Иллюстратор Эдуард Рафаэлевич Суханов

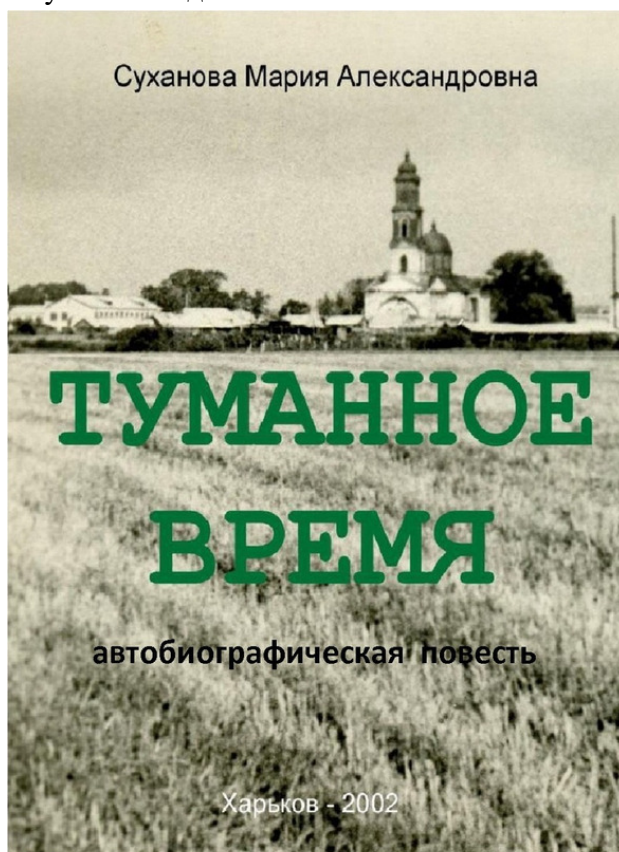
Фотографии архив Марии Александровны Сухановой

Фотограф Эдуард Рафаэлевич Суханов

© Мария Александровна Суханова, 2017

ISBN 978-5-4485-6606-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обложка первого электронного варианта книги.

Вступление

Туманное время
Жизнь моя начиналась в сложное время
и все, что казалось мало хорошего
приходит на ум, всё и долго не
решалась вспомнить прошлое,
которое постоянно отзывается у меня
с тяжёлой болью.

М. А. Суханова

Фрагмент начала рукописи.

Жизнь моя начиналась в сложное время. И из того, что помню, мало хорошего приходит на ум, вот и долго не решалась вспоминать прошлое, которое постоянно отзывается у меня с тяжёлой болью.

В своё время мне пришлось упростить личную автобиографию. Хотела меньше объясняться о своём былом, и за это всю жизнь несла вину перед памятью отца и матери, проживших трудную жизнь накануне, и особенно, после перемены власти с 1917 года.

Подражая некоторым детдомовцам, тоже отказалась от памяти о своих родителях. А они у меня были очень хорошие люди во всех отношениях, только вот не сумели разобраться в той обстановке в стране, где гуляла страшная неразбериха с грабежами и убийствами¹.

---

¹ Надеюсь, что выбор одного из вариантов и ничтожная правка текста рукописи были необходимы. Улучшили, а не исказили замысла автора. При этом, в данное издание книги мною были включены: фотография во «Введении» и большинство довоенных фотографий из архива М. А. Сухановой. А также сделанные мною лично (Э. Р. Суханов), в том числе фотография, что использована при оформлении обложки этой книги.

Глава первая

СЕМЬЯ. РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Часть первая

О семье отца знала то, что рассказывала мама, люди и видела сама. Их было трое у дедушки Кузьмы Кузьмича и Надежды, отчества бабушки не знаю: дядя Павел, отец Александр и младшая сестра Анна. О семье моей матери помню, что рассказывала мама, люди и некоторые события остались в моей памяти.

Моя мать, Анна Фёдоровна Тетюкова (девичья фамилия), родилась в 1888 г. (?) в деревне Гущино в семье, где их было четверо детей – два мальчика и две девочки. Старшая из них Мария, Михаил и мама с дядей Фёдей младшие – двойнята. Мама и дядя Федя были очень красивые и похожи друг на друга. И как помню, они были дружны.

Их семью постигло большое горе, у них рано умерла мать. И отец, имея четырёх детей, женился на женщине тоже с четырьмя детьми. Так что семья у них увеличилась до 10 человек. Когда умерла мать, моей мамы и дяди Феди им было по 7 лет, а остальные те и другие были старше, они могли помогать в хозяйстве, и им от родителей уделялось побольше внимания, особенно детям мачехи.

В то время в подобных семьях об учёбе детей и разговора не было. Мама часто вспоминала, как ей тяжело приходилось жить без родной матери. При приезде мачехи со своей семьёй у мамы даже не стало определённого места для сна, говорит: «Где придётся там и уснёшь». Еду нам с Фёдей редко давали вместе со всеми и что повкуснее, мачехины ребята отнимали, да ещё и побьют.

Марию отдали замуж в другое село, и у мамы с Фёдей жизнь стала ещё хуже, она за ними ухаживала и часто защищала, была из четырёх самая смелая. Потом подросли и они, много тяжело работали. Мачеха своих жалела, всегда старалась хорошо устроить, а чужие как уж придётся. Отец или мой дед Мише и Феде тут же рядом помог построить дома и женил их, как говорили не очень удачно, но жили благополучно, только у дяди Феди не было детей, о чём он сожалел. А маме исполнилось 18 лет, когда её засватали за вдовца на 23 года старше и имеющего двух сыновей. Старший сын Василий на три года старше мамы, а меньшему Алексею 18 летняя моя мама стала мачехой, всего от него лет на шесть старше. Она хорошо знала, как жить без родной матери и все силы свои, внимание отдавала этому меньшему, даже я помню её заботу о нём, казалось больше чем обо мне. Не обращала внимания на его явные выходки против неё. Не знаю, отвечал ли вниманием на доброту к нему, но в страшную пору её жизни и смерти он остался больше чем чужой и забыл всё доброе.

Я родилась у них шестым ребёнком, а до меня пятеро умерли младенцами. Причины детской смертности, наверное, были, но кто их тогда в деревне искал? Мне часто приходилось видеть плачущую мать над какими-то детскими вещами, но она старалась со мной об этом её горе не говорить, ведь я ещё была мала, хоть мне её было жаль, и от сильного сочувствия плакала вместе с ней. Маме всю работу по дому и хозяйству надо тянуть одной, а это большой труд.

Теперь-то, могу представить, какое было житьё в замужестве у моей мамы. Она эта бедная сирота была смиренного характера и при том, очень набожная. В доме отца её приняли без особой радости, ведь она должна занять место покойной жены, матери, невестки, так как мать моего отца, была ещё жива, сильно прихварывала, но у неё хватало сил, вспоминала мама, хорошо погонять молодую невестку, царство ей небесное. Тут ещё имело большое значение то, что мама пришла в дом отца или деда бесприданницей, а это тогда, да и в семье, куда пришла

мама, считалось большим недостатком. Имей ты безупречное девичество, красоту, молодость, покладистый характер, но если бедна этого мало.

Старший сын отца вскоре женился на богатой, грамотной и они начали строить себе дом на этой же улице, а пока жили вместе, так что мама из одного ада попала в другой, но ей помогало усердие всем и во всём угодать. В доме у них был относительный достаток, а работать приходилось, с темна до темна.

Когда у отца умер отец, все работы по хозяйству перешли отцу и его старшему сыну. Отец закончил церковноприходскую школу и его оба сына, тоже там учились и в деревне считались грамотными. А моя мама не знала ни единой буквы, если потом где нужна была роспись, она ставила крестики. Мама, имея сиротское детство, тяжёлое девичество, привыкшая трудиться, отдавая все свои силы, не требовала для себя ничего. Вот и в доме отца, только через несколько лет маме справили шубу-борчатку. Сшили пару кашемировых костюмов. Это длинная юбка и короткая в талию кофта, которые она одевала, идя в церковь и в гости. А я помню её, она была одета довольно бедно и всегда в работе. Многие в чём постоянно одевалась шила из холста, который сама ткала. У нас осенью после уборки полей огородов мама, подготовив куделю, начинала прясть пряжу, а отец с Алексеем заготавливали к холодам дрова, утепляли конюшни, готовили удобства для кормёжки скота зимой и приводили в порядок инвентарь, сбрую.

Меня мама тоже учила прясть, и я прядла, как уж получалось. Ближе к весне отец в кухне устанавливал кросна, это своего рода станок, чтобы ткать холсты. Мама к такой работе приучена с детства и у неё довольно хорошо получалось. В доме скатерти, полотенца, нижнее бельё, половики, мешки всё в основном шилось из холста, которое ткала мама и вываривала в щёлоче из печной золы, отбеливала на берегу реки под росой в тёплое время года.

В соседнем селе Окунёвка (Окунёвское) было тогда какое-то кредитное общество, так мой отец там много лет работал бухгалтером. И в Челябинске у него были дела, куда он часто уезжал, оставляя все домашние работы на Алексея и маму. Мама с Алексеем ездили к нему, а в конце лета 1922 г. с ними поехала тётя Мария – старшая сестра мамы. Вот там я появилась на свет, как отец хотел на руки врача, а не бабки повитухи, хоть то была и не врач, а акушерка ну всё равно роды были в больничных условиях при соблюдении правил санитарии. Но маме в этой больнице что-то не повезло, видно сказала длинная дорога и она, как правило, работала до последнего дня перед родами.

В Челябинске меня крестили, крёстный отец Алексей, мать крёстная тётя Мария в честь, которой и меня называли. После родов в Челябинске у мамы были какие-то серьёзные осложнения со здоровьем, и им пришлось надолго задержаться. Потом они часто шутили, что мама привыкла рожать в поле под телегой... Ну, ничего, после меня мама родила ещё трёх мальчиков, но первый за мной Коля умер, а два последних самый маленький наш умер в 1932 г. в нечеловеческих условиях от голода, предпоследний Витя умер уже в 1935 г. в детдоме от скарлатины. Об этом я постараюсь всё немного позднее рассказать.

А остаться постоянно жить в Челябинске почему-то не удалось, хоть отец и брат Алексей очень этого хотели.

При разделе отца со старшим сыном уже все полностью работы на пашне, хозяйстве перешли на отца, мать и Алексея. Мама работу в поле, на огороде и по дому тянула, а Алёша был страшно не доволен таким адским трудом, ему хотелось погулять

Вот поэтому я была неухоженная, ведь у мамы не было времени, да и она носила беременность, за беременностью, при чём всю её работу выполняла она одна, уж как могла. Это происходило в период, когда привлекали среднее крестьянство к сельскому хозяйству, надо обеспечить хлебом голодающую страну. И мой отец забросил все дела в Челябинске, продал квартиру и ушёл с Окунёвского кредитного общества, занялся только своим хозяйством.

Государство для привлечения к этой работе создавало хорошие условия. Отец поверил, ведь ему за зерно, которое он сдавал, выдавали необходимый инвентарь на выгодных условиях.

Он приобрёл жатку, сеялку, плуг, бороны и др. как мне в 1939 году при поездке в Невьянск рассказывал брат по отцу Алексей. Купил пару хороших лошадей, корову, телёнка, который у нас жил вместе с нами на кухне несколько дней, а ведь это, кстати, была не только кухня, но и жилая комната. С новой силой и энергией, поддерживая отца, начала семья трудиться до полного изнеможения. Вспоминаю, на отце во время работы рубашку, покрытую слоем соли от пота. И мать рожала на пашне под телегой, как когда-то подсмеивалась моя крёстная, и детки умирали.

Отец часто ходил на многочисленные собрания, которые тогда проводились без конца. Он ждал всё какой-то справедливости в стране и поверил в Новую Экономическую Политику. Мы с мамой сидели на русской печи и его ждали. Много позднее она вспоминала, как не давала мне спать, потому что было страшно. А натерпелись и настоящего страха, а тот страх мамин на печи уже казался смешным. В общем, мои родители были не против Советской власти по ихнему поведению, разговорам как я помню, но в колхоз не записались, да и как потом стало известно, их особенно не звали. Видимо ждали случая, чтоб отнять все, что отец имел и приобрёл за последние годы.

Старший брат отца Павел Кузьмич жил против нашего дома. Этот мой дядя, был женат на очень богатой, а потом с годами и сам стал первым богачом деревни. Мой отец и дядя Павел не дружили, наверное, сказывалось богатство старшего брата, и из нашей семьи кроме меня ни кто к ним не заходил, ну соответственно они также. Дом у них был двухэтажный с каменными амбарами, с добротными постройками, с красивыми парадными воротами и казался крепостью. Загоны и конюшни за двором тянулись по берегу к речке, где у них прямо в реке стоял плот, с которого прислуга могла полоскать бельё и брать воду для нужд хозяйства. В первом этаже дома находилась кухня, прачечная, столярная и помещение где жила некоторая прислуга.

Чувствовалась большая разница нашего достатка во всём, как в обстановке, убранстве, одежде, поведении, в общем, это был совершенно другой мир. А я всё навязывала свою дружбу Наде – внучке моего дяди, но она была немного меня старше, ухоженная, всегда чисто, красиво одета и приучена хорошо себя вести. Во мне плохо по-деревенски одетой не всегда чистой и причёсанной появлялась вдруг зависть, обида за то, что когда дома не было дяди Павла, меня прислуга даже в Надину комнату не пускала. А когда мои родители чуть свет уезжали в поле, оставляя меня одну, запретив выходить со двора, вот тут-то мне и приходилось с большим трудом подманить Надю к подворотне, откуда я могла выглядывать и хорошо поцарапать ей лицо.

На жалобы прислуги мой отец казалось, не обращал внимания. А мама поругает, потом пожалеет, ведь пяти лет ребёнка оставляли без присмотра на целый день с темна до темна с кринкой молока, буханкой хлеба или решетом сухарей. В таком безалаберном доме, дворе с дворовыми постройками, конюшнями – один ребенок, безусловно, матери тяжело требовать хорошего поведения.

Я, так и не знаю, точно, из-за чего у отца и дяди Павла не было дружественных отношений, ведь они оба у меня всегда по-доброму спрашивали друг о друге. Когда дядя Павел был дома, что случалось для меня редко, то мне разрешали заходить во все комнаты. Дядя Павел брал меня на колени и много со мной говорил, и он сказал, что я похожа на его маму, а это значило на мою бабушку Надю, о которой моя мама покойная отзывалась не очень хорошо. Горничная знала, что в такие моменты в угоду дяде, меня надо угостить, чем ни будь вкусным, а этого у них было всегда достаточно. Мои родители не одобряли угощения дяди, но и, кажется, не запрещали, так как я продолжала к ним ходить и особенно когда увижу, что приехал дядя Павлуша, как я его тогда называла. Об одном разговоре с дядей Павлом рассказала маме и, наверное, поэтому запомнила. Он меня спросил, за что я часто обижаю Надю? Я уже не могу вспомнить, как оправдывалась, но он так сильно хохотал на весь дом, до сих пор помню.

Дядя Павел был, как мама говорила, среднего роста, широкоплечий, красивое лицо и широкая, квадратная, чёрная борода. И я вспоминаю, при его присутствии было в доме у них шумно и весело. Жена его то на веранде, то в комнатах находилась, и всегда с книгой в руках, красиво одетой аккуратно причёсанной. Сын их из Белой армии перешёл в Красную Армию, где и погиб. При получении этого печального известия жена его Екатерина, говорили писаная красавица, чуть с ума не сошла, она побежала почти голая в сторону мельницы, где её еле догнали и долго стерегли и лечили. При раскулачивании отца и мать других детей погибшего не пощадили, кроме жены Екатерины и дочери Нади.

Раскулачивали дядю Павла одним из первых, может, поэтому применялось много жестокости к ним, по рассказам моей матери. Отправляли их этапом к станции, где погружали в так называемые телячьи вагоны, в которых многие замерзали и умирали в дороге. Мне, было очень жаль всех, особенно дядю Павла. Через некоторое время и мою семью постигла не лучшая участь.

Наш дом был построен очень давно и как видно без учёта сурового климата Урала. Лето сравнительно короткое, но как я помню жаркое, а зима длинная и холодная. Родительский дом был весь построен из дерева на высоком постаменте, из-за чего продувался всеми ветрами. Дом состоял как бы из двух половин. Первая половина это кухня, служила столовой для семьи, в которой половину кубатуры занимала русская печь. Около двух стен против печи, тянулись широкие удобные лавки для сидения, в правом углу около помянутых лавок стоял большой стол, за которым кушала семья, в том же углу повыше лавок примерно на метр находилась божница с иконами и лампадкой, её мама зажигала перед праздниками.

Мне частенько от матери доставались шалобаны за то, что я, садясь за обеденный стол, забывала перекрестить свой лоб. А отец в такие моменты был всегда за меня. И я ему была благодарна, отвечая признательностью и вниманием, каким могла в те свои годы располагать. Когда отец возвращался откуда-нибудь домой, я первая его встречала, ни стужа, ни дождик мне не мешали встретить своего любимого тятю. Часто мама меня останавливала, чтобы я дала отцу обогреться, если было в зимнюю пору. Я и маму очень любила, но у неё всегда не хватало времени со мной общаться.

Отец тоже постоянно занимался своими неотложными делами, но он умел привлечь меня к себе и исполняя работу. Отец учил меня ездить верхом на лошади и в тех моих нарядах, безусловно, это выглядело не очень хорошо. О лошадях он мог говорить часами. Из всех домашних животных у него лошади были самые любимые, и он за ними ухаживал, знал нрав, настроение, а они отвечали послушанием и терпением.

Отец был высокого роста, худошавый, каштановые с рыжим оттенком волосы и такие же усы. Поил, чистил лошадей или убирал в конюшнях, во дворе часто слышно было его пение. Он как дядя Павел любил шутить и смеяться от души.

Мама, не знаю, любила ли его, но уважала определённо, и где-то казалось, побаивается, хоть я помню, он к ней относился очень ласково. Однако при внимательном и даже ласковом отношении отца к матери, он почему-то не мог её освободить хотя бы иногда от полевых работ, особенно во время беременности перед родами. Это мама уж потом как бы жаловалась на свою судьбу. А всерьёз, она все житейские тяжести считала от бога, и никто судить не имеет право. У нас с ней на тему божьего наказания были размолвки, а этого делать нельзя, как она мне говорила грешно. Тогда в деревнях женщины быстро старились, если им приходилось так же тяжело работать в полях, огородах и выполнять всю работу по дому. У моей мамы рано стала редеть копна когда-то чёрных красивых волос, и стали болеть зубы. Для одних рук хозяйство, казалось бы, и не очень большое, но в тех условиях женской работы было много. Готовить еду семье, стряпать, ведь хлеб пекли сами, в доме убирать, каждую субботу топить баню всё к ней готовить, стирать, доить корову или коров, потом давать корм всей скотине и гусям, курам и когда-то ещё были овцы. Мама вставала очень рано. Топила русскую печь зимой и летом,

так как нужно было печь хлеб, готовить еду и кормить скот и т. д. Надо было утром чуть свет кормить отца и Алексея чем ни будь таким, чтоб они могли тянуть свою тяжёлую работу в поле и не упали от слабости.

Ранней весной во время пахоты отец часто меня брал с собой в поле, это было большой для меня радостью. Он подсекал берёзу, а лес там был в основном берёзовый, делал аккуратно желобок, по которому стекал берёзовый сок в какую-нибудь посудину. Ну и я, напившись сока, бегала с кружкой от одного дерева к другому, чтоб угостить отца с Алексеем, когда они сядут отдохнуть и покушать. Мы с отцом очень любили друг друга, я у него была первая дочь и оказалась последней. Когда отец был дома, от него не отходила, даже если он занимался со скотом и другими работами в конюшнях, амбарах. До сих пор своих родителей вспоминаю с большой любовью и с чувством страшной жалости к той муке и жуткой гибели безвинных тружеников, которые не могли предугадать дальнейшее и людскую жестокость от зависти

Как я ранее сказала, что дом наш злополучный состоял как бы из двух половин, вот в первой половине, когда семья сократилась до четырёх человек – отец, мать и мы с Алексеем, стали постоянно здесь жить зимой и летом. Зимой спали на полатах печи, на настиле над голбцом, где был вход со стороны за печью в голбец или как называется подполье, где осенью, зимой и весной хранили картофель, овощи на еду. А во вторую половину дома нужно пройти через сени, которые тянулись через всю ширину дома от двери чулана и лестницы на чердак в малые сени и на крыльцо при выходе во двор. Под крыльцом и сенями держали кур, для них с боковой стороны была дверь. Из сеней заходишь в большую, тогда считалось, горницу, там было пять окошек, печь так называли голландка, высокая от пола до потолка круглая облицованная снаружи черным железом. Печь голландка одним боком выходила в маленькую горенку с одним окошком, туда после смерти бабушки ни кто не входил, просто лежали старые не нужные вещи. Отопление жилья было только дровами и поэтому, через весь двор около заборов всегда стояли высокие поленницы дров.

Лес около деревни был близко, раскинувшись на сотни вёрст около берега реки Миасс и многочисленных других деревень. Он был густой и своими берёзовыми деревьями уходил вглубь до 30 вёрст с некоторыми просеками для полос пашни. Лес обеспечивал дровами, стройматериалом, ягодами и, конечно же, грибами, которые заготавливали, как картофель, овощи на зиму. В грибную пору, ехала семья с бочкой воды, с хорошо приготовленными бочками для соленья, и обратно вечером возвращались с закупоренными бочками, которые спускали в погреб. Ягод в лесах было тоже много – земляника, клубника, вишенье (вишня), костяника, брусника, а какие они ароматные и вкусные и сейчас помню.

СЕМЬЯ. РОДОВОЕ ГНЕЗДО. Часть вторая

Буду продолжать рассказывать о второй половине дома. Вся остальная печь голландка вместе с топкой находилась в большой горнице. Что тогда здесь мне нравилось, это простенок зеркала, в которое я и в холод бегала босиком посмотреть на себя. Хорошо помню место, где висел отца нарядный сюртук, в котором он ездил на работу в кредитное общество и по делам в Челябинск. Вся праздничная одежда и та, что просто хранилась оставленной предками, укладывалась в сундуки, красиво отделанные железными полосками. Летом во дворе натягивали веревки и в жаркий солнечный день всё это добро, проветривалось.

Как-то раз при таком мероприятии мать лежала в избе больная и сказала, чтобы я покараулила эти вещи, так как тогда часто из леса приходили цыгане и могли всё украсть. Нарядившись в мамину атласную кофточку от венчального костюма, я накинула красивую шаль и побежала к тётё Анне, которая жила по соседству и у нас во дворе была для вида калитка, чтобы к ним свободно ходить. Тётё Анна это отца и деда Павла сестра. Жила она с мужем, детей у них не было. Тётё Анна очень часто болела, из-за чего ей приходилось находиться дома. Дом у них с Кириллом, так звали её мужа, был похож на наш, но в уменьшенном виде. И так же все постройки, только все немножко меньше.

Ну, вот так я, вырядившись, явилась к тётё Анне, та подхватила меня за косы и притащила к маме на расправу. В общем, об этой охране мама часто вспоминала с различными выводами, так как потом, через года два-три, всё это добро растащили все кому не лень. И стоило эти тряпки бабушки, прабабушки так беречь. Это так было обидно моей маме ведь и её крохи, которые были описаны, забраны тогда. Совсем не многие носильные её вещи, без которых она осталась раздетой, а опись велась для блезира, чем обманывали забитых тёмных людей, обирая по-воровски под именем закона. Моя мама, мне рассказывала, что она описанные вещи видела тут же на женах и родственниках членов комитета бедноты, которые действительно являлись бедными, а большая часть из них лодыри и пьяницы.

Наш дом, когда я жила там казался хорошим и даже уютным хоть день и ночь с уютом дома дяди Павла. Но гораздо позднее поняла, его надо было давно таки бросить и переехать в Челябинск в ту маленькую квартиру, и Алексей мне то же самое говорил, когда я с ним беседовала в 1939 г., посетив его в Невьянске. Наша семья считалась не бедной, а жили хуже многих бедняков. Работали все взрослые точно каторжные. В доме не было приличных условий для отдыха, спали по полатам над голбцем печи, полу на допотопных кошмах, укрывались замызганными одеялами или старыми зипунами. Имелись, видимо когда-то кровати, но они как старье вынесены в саманку, о которой скажу позднее.

В горнице стоял старый буфет с посудой, используемой только по большим праздникам при гостях, стол и стулья. Вот и вся мебелировка, если ещё не считать два сундука с нарядами предков хранимых до сотни лет. Как правило, к Пасхе мыли в кухне, горнице потолки, стены. Они были сделаны из хорошего дерева. Потолки имели вид, да и стены так же, как полированного дерева. Потолки стелили из широких досок, как говорится без сучка и задоринки. Стены строились из брёвен, между ними в пазы прокладывался мох. А сторона бревна, ложившаяся вовнутрь помещения, была тоже очень гладкой, чтоб можно хозяйке мыть, ну а пазы белили.

Двор, дворовые постройки хлева, конюшни, сеновалы и загоны все были построены из дерева, но имели довольно удобный хозяйственный вид и размещение. Там, где со стороны кухни выходили два окна, от угла дома шёл небольшой заборчик до саманки, отгораживающий наш двор от двора тётё Анны. Около заборчика росло несколько деревьев бузины. В этом промежутке – от дома до саманки находилась яма, оборудованная для засыпки картофеля осенью – на семена весной. После заполнения необходимого количества картофеля, ляду ямы хорошо закрывали, чтоб во внутрь не проник воздух. Дальше ямы или хранилища находилась саманка,

это своего рода складское помещение. Мама рассказывала в какую-то смутную пору там все домочадцы, и даже соседи прибежали спасаться.

Саманка была, очевидно, построена с целью спасения добра от пожара, так как при деревянных постройках и тех условиях «пожарной охраны», это бедствие было очень страшным. Стены саманки имели толщину, наверное, не менее сорока сантиметров, арматура обмазанная крепкой глиной, крыша железная, двери двойные и тоже из массивного железа, в общем, неплохое убежище. Ну а я, вспоминаю эту саманку, как склад, где по правой стороне стояли старые поломанные кровати с разным тряпьем, висели овчины, кожа из которой отец сам нам с мамой шил обутки и им с Алёшей бахилы.

Обутки, в которых мы ходили с мамой до холодов, имели вид лаптей, только они из кожи. Я, да и мама ходили больше босиком от чего часто мучили цыпки меня, а у мамы репались пятки. Бахилы, это что-то вроде сапог, и отец с Алексеем в них работали. А для выхода, куда-либо, у них были сапоги. У мамы имелись ботинки, их она очень берегла. Мне помню, отец из города привозил ботиночки, туфли, но они оставались почти новыми, ведь я привыкла бегать босиком, да и ходить в них некуда. В этой саманке стоял керосин, смола, дёготь и весели хомуты, шлеи уздечки, сёдла и много всякого, что нужно в хозяйстве.

За саманкой была калитка для прохода во двор тёти Анны, а направо шёл проулочек, через который загоняли скотину, гусей в загон. Там находились хлева, всё это за амбарами, погребом отгорожено от конюшни и сеновала, да где всегда было много соломы. В сторону двора от проулочка, стоял домик – погреб. Внутри его находилась яма, служившая летом и зимой холодильником. В яму можно спускаться только по лестнице, по которой мне лазить запрещали, чтоб я не упала. Да в яме делать нечего, разве что сметаны с творогом поесть. Ну, это надо подождать родителей, бывало, и полезла бы, но страшно

Рядом одной постройкой и под одной крышей находились три отделения амбаров на высоте от земли, может чуть больше пол метра, видимо от сырости и другой какой-то напасти. В каждом отделении находилась своя дверь и ступеньки, а там сусеки, где всегда хранилось зерно или мука в установленном порядке. За амбарами ворота в загон, где были конюшни для лошадей, чтобы они в стужу не мёрзли. Отец за скотом и особенно лошадьми хорошо ухаживал. Тут же около ворот в конюшни был колодец и колода, из которой поили скот. Дальше стояла баня, она топилась по чёрному, но была сравнительно с баней тёти Анны больше в размерах, строили, наверное, из хорошего материала и создавались лучшие условия. Почему хочу нашу баню, с баней тёти Анны сравнить, а потому, что страшный отрезок моей жизни связан с баней покойной тёти Анны.

За предбанником был забор, около него складывалась поленница дров, за тем под навесом хранился имеющийся инвентарь для работы в сельском хозяйстве. И опять забор, отделяющий соседский двор с этой стороны, продолжался до улицы и поворачивал, метров пять длиной, до наших ворот и калитки. У заборов вровень с их высотой укладывались поленницы дров, которые накрывались от дождя и снега. Ворота и калитка были деревянными, под небольшой над ними крышей. От калитки шёл метра три забор до загородки в виде палисадника, около дома со стороны улицы и нашего двора. Со двора в палисадник была в заборе дверца, через которую входили. Там росли несколько деревьев черёмухи и сирени, стояла скамейка, где можно посидеть и отдохнуть. Ну и крытое крыльцо со ступеньками.

Такое было поместье у моих родителей, в котором жила и трудилась моя несчастная семья.

В престольные праздники или Пасху у нас собиралось много гостей. Отец очень любил веселиться в компании и помню, очень часто пели с мамой. Она, как всегда при приёме гостей, была в бегах от печи с первой половины дома во вторую до стола гостей. Отец всё-таки её усаживал и говорил: «Давай Анюша споём». Я очень любила эти моменты – слушая пение родителей, сидя у отца на коленях. Не знали они тогда, какая их ожидает мука и страшно сведёт

в могилы. Продолжали верить в добро, справедливость и продолжали решать свои семейные трудности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.